

Дополнение к предыдущему

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР И ТОТАЛИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО

В 20-годы, при жизни Ленина, молодой СССР был совсем не тем, кем мы привыкли его считать. Как это ни странно, это во многом был тип 2 – горизонтально-демократическим. Он стал тоталитарным только при жизни Сталина.

Созданная Сталиным советская культура была государством 1 типа - вертикально – иерархическая организация, централизованная власть сверху и бюрократия.

В СССР были искусственно воспроизведены все характерные черты немецкого по типу мышления конца 19 века:

примат организованного над спонтанным, письменного над устным, интеллектуального над эмоциональным

культ контроля и организованности; “всё должно быть правильным, и всё должно быть по нотам”

культ Высокой Культуры, Высокого Искусства на государственном уровне
господство больших форм над малыми, глобального над частным

Советские граждане читали многотомные романы, слушали симфонии. Это не просто. Как я говорил, потребитель высокой классики должен быть конгениальным автору. Прослушать Мессу Си-минор Баха - не намного проще, чем ее сочинить.

Советские музыканты ценились во всем мире. СССР действительно был Империей Высокого Искусства. Он был монастырем, последним оплотом всех ценностей, которые веками накапливали ученые деятели культуры.

1 Автор музыки - композитор. Он ТОЛЬКО пишет музыку. Его текст - партитура. Партии всех инструментов расписаны в одной нотной системе. Партитура является ПЕРВИЧНЫМ текстом. Реальная музыка - ВТОРИЧНЫМ. Когда мы говорим “Пятая симфония Бетховена”, мы имеем в виду не конкретное ее исполнение в данном месте в данный час. Мы имеем в виду ПАРТИТУРУ, систему нотных знаков, которую Бетховен оставил. Артефактом, произведением искусства является нотный текст.

Эта партитура является детализированной инструкцией для исполнителей. Причем, чем ближе от Средневековья к 20 веку, тем более детализированной. В партитурах Баха нет ни одного словесного указания, только ноты. Для понимающего достаточно. Дирижеру и музыкантам предлагается творчески отнестись к нотным знакам, автор доверяет их выбору. С каждым следующим поколением уровень доверия автора к исполнителям ПАДАЕТ синхронно с падением традиционной КУЛЬТУРЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. Воля композитора становится всё более авторитарной, творческая инициатива исполнителей - всё менее уместной.

Что же мы видим к концу 19 века? В начале любимой моей, в твердой обложке, потрепанной, партитуры второй симфонии Малера приведен список всех авторских указаний с переводом. Он занимает ПЯТЬ СТРАНИЦ! (симфония длится целый час). Интонации автора весьма характерны:

Чуть-чуть тверже!
малость нежнее!
выразительно!
подвести к следующему темпу плавно!
Чуть-чуть медленнее, но не слишком затягивая!
сесть! встать! лежать! бежать!
ползком! штык примкнуть! на пле-чо!

С каждым словом чувствуется ну прямо физическое усилие - заставить, подавить, утвердить. Полная власть, полное недоверие к исполнителям, полная заорганизованность. Один - автор, все - бессловесные исполнители. Генерал наверху и рядовые внизу.

Партитура - детализированная инструкция для Фабрики Музыкального Производства, каковой и является симфонический оркестр. Директор производства - дирижер. Он, во-первых, следит за выучиванием партий. Его прямые подчиненные - начальники групп инструментов. Например, группой первых скрипок руководит главная первая скрипка. А знаете, сколько вообще первых скрипок в большом оркестре? Пятнадцать. Пятнадцать человек играют одну и ту же партию. Одну

и ту же. Способность одного индивидуума воздействовать на целое - так мала, что приближается к нулю. Если одна скрипка из пятнадцати перестанет играть, никто не услышит. А как же вдохновение? Моя знакомая, скрипачка оркестра, как-то мне говорила: "Какое вдохновение? Ты просто сидишь и все время следишь, как бы не взять неправильную ноту. И у тебя болит спина. И все. Это просто работа, просто тяжелая работа."

Итак, мы видим стройную вертикально-иерархическую систему типа Древний Египет. Наверху - автор, гений, фараон, наместник Бога на земле. Его текст - артефакт, произведение искусства, симфония - божественное откровение. Его подчиненный - дирижер. Подчиненные дирижера - начальники групп инструментов. Исполнители самого низшего уровня - рядовые музыканты. Но даже они - еще не самый низший этаж пирамиды. Есть еще ниже. Как вы думаете, кто? Вахтер? Уборщица?

Нет, друзья мои. Мы с вами. Слушатели. Мы с вами.

Приходим мы на концерт. Усаживаемся в кресло. Курить нельзя. Разговаривать нельзя. Душно. Смотреть не на что. Музыканты во фраках на сцене сидят с такими угрюмыми лицами, что смотреть тошно. Им тоже нелегко. Их можно понять. Дирижер повернут к нам, зрителям, задней. Ему не до нас. Никому не до нас. Все заняты. Никто не говорит нам ничего ПРЯМО, непосредственно. Никто не помогает нам постичь священный текст симфонии.

Ни один из функционеров этой гигантской вертикально-иерархической пирамиды не ударит палец о палец, чтобы ЧТО-ТО СКАЗАТЬ НАМ. Им не до нас. Чем же озабочен каждый из них?

Когда композитор пишет симфонию, он думает ТОЛЬКО о воплощении замысла. Что такое воплощение замысла? Это его власть над миром. Для деятеля высокого искусства артефакт - ограниченное рамками пространство его единоличной власти. Автор озабочен, как бы ему осуществить свою власть. Над кем? Да над всеми - и над дирижером, и над музыкантами, и над зрителями. Дирижер озабочен, как ему на своем месте, пользуясь партитурой как инструментом, властвовать над оркестрантами. Те, мрачно восседая во фраках, потеют от напряжения и упиваются чувством своей важности. Они - при деле. Они управляют нами, слушателями.

А я-то где во всем этом? Я, простой слушатель? Я пришел сюда, чтобы кто-то мне что-то сказал. Но мне никто ничего не говорит. Почему я должен здесь торчать?

"Потому что тут всё правильно. По нотам" - говорит мне миф «Высокая культура».

- Но эти ноты не имеют никакого отношения ко мне!

"Так надо. Это Высокое Искусство. Приобщайся" - отвечает мне миф.

Каждый из нас, граждан Страны Симфонического Оркестра, постоянно оказывался в одной и той же ситуации: надо подчиняться некоему Закону. Закону абстрактному, внеличностному, не имеющему отношения ни ко мне, ни к тебе. Почему? Так надо. Таков миф. Советские люди не имели никакого опыта ЛИЧНОГО участия в порядке, никакой возможности внести что-то своё в окружающее устройство жизни. В результате, с течением времени, у местного населения развилось врожденное тотальное неверие вообще в какой-либо закон, вообще в какую-либо разумность, вообще в какой-либо порядок.